

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-3-607-622>

Научная статья / Research Article

Как возможна социальная онтология с точки зрения эпистемологии и философии языка?

А.Ю. Антоновский¹ , Р.Э. Бараш²

¹ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Ленинские горы, д. 1

² Русское общество истории и философии науки, Российская Федерация, 105062, Москва, Лялин пер., д. 1/36, стр. 2
 antonovski@iph.ras.ru

Аннотация. В статье критически рассматривается проект социальной онтологии Брайана Эпштейна. Авторы предлагают интерпретировать социальный факт как производный от соответствующей перспективы наблюдателя, осуществляющего структурную реконструкцию социального феномена и выявляют трудности на пути анализа социальных фактов, как структурно независимых от причинно детерминирующих факторов. Показано, что детерминация и основание социальных фактов не могут пониматься как асимметричные, обосновывается симметричный характер отношений между детерминируемым комплексным фактом и детерминирующими их онтологическими основаниями, а описывающие их суждения предлагается полагать эквивалентными, а также доказывается необходимость привлечения философско-научной методологии, ресурсов философии языка и эпистемологии для решения вопроса об обоснованности проектов «онтологической фиксации», которые авторы статьи предлагают рассматривать как научную классификацию. Понимание онтологии социального возможно лишь при выходе за ее пределы, а любые классификации могут быть идиосинক্রазиями отдельных классификаторов или наблюдателей, научно неравноценных и требующих эпистемологической оценки. Авторы отмечают, что эпистемология позволяет судить о необходимости или, напротив, искусственности, классификации, и вопрос об онтологическом основании социального факта должен решаться по аналогии. Соответственно поиск таких онтологических оснований не возможен без предварительного разрешения эпистемологической задачи: какие классификации (фиксации) «природных» или «социальных видов» структурно-необходимы (в том смысле, что их свойства проистекают из внутренней структуры), а какие — произвольно конструируются наблюдателем, исходя из его идиосинক্রазии или локально-исторической, культурной или идеологической позиции.

Ключевые слова: социальная онтология, эпистемология, философия языка, детерминация, философия науки

Информация о финансировании и благодарности. Подготовка статьи поддержана грантом РФФ, проект №21-18-00496 «Семантическая структура пропозициональных установок сознания».

© Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Статья поступила 20.06.2022

Статья принята к публикации 12.07.2022

Для цитирования: Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. Как возможна социальная онтология с точки зрения эпистемологии и философии языка? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2022. Т. 26. № 3. С. 607—622. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-3-607-622>

How social ontology is possible from the point of view of epistemology and philosophy of language?

A.Yu. Antonovsky¹ , R.E. Barash²

¹ Moscow State University named after M. V. Lomonosov,
1 Leninskie Gory St, Moscow, 119991, Russian Federation

² Russian Society for the History and Philosophy of Science,
building 2, 1/36 Lyalin lane, Moscow, 2105062, Russian Federation

antonovski@iph.ras.ru

Abstract. The article critically examines the project of Brian Epstein's social ontology. The authors propose to interpret a social fact as derived from the appropriate perspective of an observer carrying out a structural reconstruction of a social phenomenon and identify difficulties in the way of analyzing social facts as structurally independent of causally determining factors. The article shows that the determination and foundation of social facts cannot be understood as asymmetric, substantiates the symmetrical nature of the relationship between the determinable complex fact and the ontological foundations that determine them, and suggests that the judgments describing them are equivalent, and also proves the need to involve philosophical and scientific methodology, the resources of the philosophy of language and epistemology to address the issue of the validity of projects “ontological fixation”, which the authors of the article propose to consider as a scientific classification. Understanding the ontology of the social is possible only when going beyond its limits, and any classifications can be idiosyncrasies of individual classifiers or observers, scientifically unequal and requiring epistemological evaluation. The authors note that epistemology allows us to judge the necessity or, on the contrary, artificiality of classification, and the question of the ontological basis of a social fact should be solved by analogy. Accordingly, the search for such ontological foundations is not possible without prior resolution of the epistemological problem: which classifications (fixations) of “natural” or “social species” are structurally necessary (in the sense that their macro-properties stem from the internal structure), and which are arbitrarily constructed by the observer, based on his idiosyncrasy or local-historical, cultural or ideological position.

Keywords: social ontology, epistemology, philosophy of language, determination, philosophy of science

Funding and Acknowledgement of Sources. The article has been supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 21-18-00496 “Semantic structure of propositional attitudes of consciousness”.

Article history:

The article was submitted on 20.06.2022

The article was accepted on 12.07.2022

For citation: Antonovsky AYu, Barash RE. B. Epstein's social ontology. *RUDN Journal of Philosophy*. 2022;26(3):607—622. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-3-607-622>

Коллективный дух как социальный факт

Насколько реализуема сверхзадача поиска и обоснования *групповых интенций* (диспозиций, желаний, установок), которые бы отличались своим онтологическим и фактическим статусом от *индивидуальных желаний* и полагающий? Именно эту задачу ставит, на наш взгляд, Брайан Эпштейн, разрабатывая авторский проект онтологии социальных фактов, подключаясь тем самым в той или иной степени к авторитетной коллективистской социологической традиции в стиле Эмиля Дюркгейма.

Если французский социолог связывал то или иное «солидарное состояние» с материальностью или вещным характером социальных фактов, например, с коллективной обязательностью грамматики языка, но, прежде всего, с принудительностью правых доктрин [1], то Брайан Эпштейн предлагает несколько иной путь утверждения социальной онтологии коллективных состояний.

В своем стремлении демистифицировать эмпирически недоступные нам состояния «коллективного духа» (групповые интенции) он проводит свое базовое различие между некаузальной (структурной, уровневой) *детерминацией* и *детерминацией каузальной*, между структурностью и причинностью. При этом внутри каждой стороны различения проводятся дальнейшие внутренние дистинкции: между *комплексными* и составляющими их *простыми* фактами; между комплексными и составляющими их простыми причинами.

В каком-то смысле он решает ту же проблему, что и Дюркгейм, который, следуя либеральной установке, пытался совместить свободу индивида с каузальной принудительностью и необходимостью социальных фактов. В этом контексте утверждает свои онтологические дистинкции и Брайан Эпштейн. С одной стороны, *групповые состояния* (комплексные социальные факты типа «баскетбольная команда с собственной интенцией») существуют как бы сами по себе, независимо от породивших их причин. Ведь они конституируются внутренними элементарными состояниями, т.е. более простыми социальными фактами: индивидуальными желаниями игроков. С другой стороны, обнаруживаются и другие социальные факты или факторы, оказывающие каузальное воздействие, но их анализ должен быть осуществлен отдельно.

Однако *онтологический* вопрос о структуре комплексного социального факта из конституирующих его более простых элементов не так прост. Мы не

можем, например, не спросить о том, как групповая интенция («настроенность команды на победу») составляется из индивидуальных желаний членов команды; как и о том, что заставляет нас составлять факты именно так, а не иначе. Почему желание команды мы выводим из желаний игроков? Мы должны опереться на какое-то правило или обобщение (*правила фиксации* в смысле Эпштейна), заставляющее нас так или иначе связывать эти два разноразноуровневых феномена — *настроенность команды* и *настроенность игроков*.

Ведь кто-то может возразить и заявить, что групповые интенции *эмерджентны, внезапны*, в той или иной степени автономны от индивидуальных желаний игроков команды. И в этом случае, уже сами индивидуальные желания могут быть детерминированы групповой интенцией как их онтологическим основанием. В рамках эмерджентистского истолкования связи коллектива и индивидов уже индивидуальное желание может рассматриваться как *более комплексный факт*. Ведь оно составляется как из индивидуальной части, автономно генерируемой сознанием индивида, так и из интериоризованной коллективной обязательности, как это многократно формулировалось в самых разных доктринах от Фрейда (с его различием Я/Оно) до Дж. Г. Мида (с его различием I/me).

В этом смысле *фиксации* фактов (т.е. правила для составления комплексных фактов из более простых) сами по себе не являются онтологически укорененными в реальности, и допускают, как мы покажем ниже, очень широкие степени свободы у наблюдателя, осуществляющего эту фиксацию или связывание разноразноуровневых (комплексных и простых) социальных фактов.

К сожалению, Эпштейн, оставаясь социологом, не выходит на более масштабный уровень анализа, не использует классические разработки философии науки, которую очень занимает проблема «онтологических» уровней в строении реальности и соответствующих научных теорий [2; 3]. Однако для анализа предельных оснований социологии привлечение ресурсов философии науки было бы небесполезным. Попробуем сделать это за Эпштейна.

Структура уровней социальных фактов — эпистемологический взгляд

Классической иллюстрацией различия теоретических уровней, на каждом из которых фиксируются онтологически различные, но супервентно связанные явления и процессы, является пример молекулярно-кинетической теории газов (МКТ). Так, на некотором глубинном микро-феноменальном уровне МКТ фиксирует онтологические основания экспериментальных термодинамических законов (Бойля, Шарля, Гей-Люсака), которые в свою очередь описывают макрофеномены (связи макрофеноменов — температуры, давления, объема).

Так, те или иные экспериментальные данные (например, так или иная температура газа) имеют своим глубинным коррелятом или онтологическим

основанием (*но не причиной!*) соответствующую среднюю кинетическую энергию теплового движения молекул этого газа.

Такая корреляция двух разноуровневых фактов фиксируется (совершенно в смысле той самой *фиксации основания*, по Эпштейну) в соответствующем уравнении, связывающем абсолютную температуру и среднюю кинетическую энергию молекул. Данная супервентная связь между микро-параметрами объекта (средней кинетической энергией молекул) и его макрофеноменальными свойствами (температурой) очевидно не является *каузальной*. Ведь каузальность подразумевает взаимодействие как причину для изменения свойств. Так изменение температуры будет причинным следствием взаимодействия газа с более горячей средой и его нагревания вследствие увеличения числа столкновения молекул со стенками сосуда.

Супервентные и каузальные связи социальных фактов

Можем ли мы наложить эту схему различения макро- и микроуровней на область социальной теории? В определенной степени эта работа уже была проделана социологами-классиками [4; 5]. Комплексные социальные институты или состояния (капиталистическое хозяйство, религиозная система верований, т.е. комплексные социальные факты в терминологии Эпштейна) обнаруживают свои онтологические основания на более глубоком элементарном микроуровне (на уровне индивидуальных переживаний и установок). Иллюстрацией здесь могут быть, например, описанные М. Вебером психологические установки «внутримировой аскезы» и проистекающие из нее индивидуальные действия накопительного характера.

С точки зрения М. Вебера, протестантская этика оказывает каузальное воздействие, порождая капиталистическое хозяйство. Но сама эта каузация не осуществляется и не может фиксироваться непосредственно, но требует выявления причинных взаимодействий на некотором элементарном уровне. Так, установка внутримировой аскезы (как элементарное *основание* в смысле Эпштейна) супервентно связано с некоторым комплексным состоянием на макроуровне (религиозной системой протестантизма).

Индивидуальное накопительное действие в свою очередь является одним из элементарных микрофеноменальных онтологических оснований комплексного макрофеномена — капиталистического хозяйства. Причинные отношения между психологической аскетической установкой и соответствующим социальным действием на микроуровне являются онтологическими основаниями (и одновременно объясняют) причинную связь между макрофеноменами (религией и хозяйством)¹.

¹ В интерпретации Джеймса Коулмана [Coleman 1989, 291—294] это макро-микрофеноменальная социальная онтология выглядит так:

Возвращаясь к онтологическому тезису Эпштейна, теперь можно уточнить понятие онтологическое основания:

Основание — это редукции макроэффектов к их микроманифестациям.

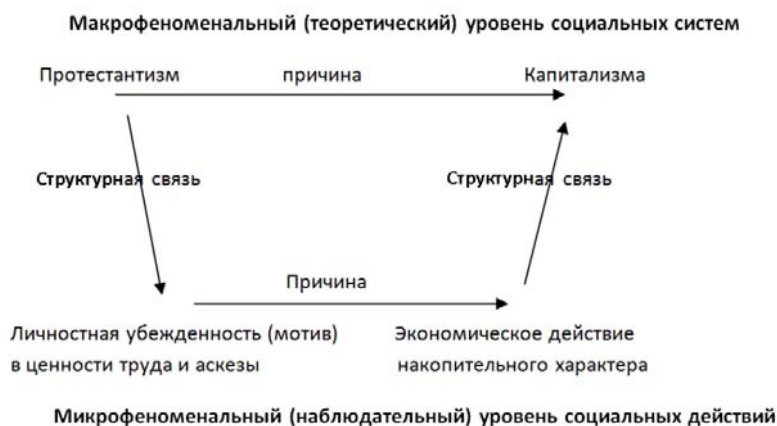
Каузация — это объяснение непроясняемых (на макроуровне) причинных связей причинными взаимодействиями на глубинном элементарном уровне.

Фиксация — это обобщение (регулярность, научный или правовой закон, норма или правило), связывающая макрофеноменальные и микрофеноменальные уровни (между температурой и энергией молекул, внутримировой аскезой и религиозной системой, индивидуальными действиями и капиталистическим хозяйством).

Можно ли говорить о детерминации в отношении комплексных и простых социальных фактах?

Несмотря на несколько экстравагантное терминологическое облачение, речь у Эпштейна, как показано выше, идет о классических теоретических проблемах социальной теории. Неясности возникают при рассмотрении деталей, примеров и иллюстраций.

При этом сам автор концепции ключевую проблему вполне обоснованно связывает с вопросом о том, «существуют ли вообще такие групповые интенции». И понятие «онтологическая *детерминация*» помогает ему зафиксировать искомые и столь проблематичные субъектные свойства коллективов и групп — как непричинные, но структурные производные от элементарных и доступных эмпирической фиксации состояний (переживаний и действий индивидов).

В этом смысле религиозная система как *комплексный социальный факт* может быть «разложена» или сведена к микросостояниям, индивидуальным полаганиям, переживаниям индивидов в соответствии с религиозной доктриной; в свою очередь, такое комплексное макросостояние как капиталистическая экономика, в свою очередь, состоит из массивов индивидуальных действий накопительного характера и «онтологически основывается» на них как раз в смысле Эпштейна.

И все-таки, эта попытка переноса простой и очевидной фактуры действий и переживаний на более абстрактный (и трудно фиксируемый эмпирически) уровень групп и коллективов посредством привлечения понятия *детерминации* не кажется нам удачной. Понятие *детерминации*, очевидно, предполагает асимметричность отношений между простыми и комплексным феноменами, между детерминирующим и детерминируемым.

С нашей же точки зрения, это противоречит дефинитивной *в-себе-идентичности* социального объекта, фиксируемого из двух равноуровневых перспектив наблюдения. Так, например, говорят об идентичности состояний мозга и индивидуальных переживаний в сознании [6; 7]: то, что во внешней наблюдательной перспективе нейрофизиолога представляется активацией нейронных ансамблей, во внутренней перспективе переживающего лица выступает в виде феноменального образа (боли, желания, восприятия и т.д.). Но сказать, что один аспект феномена, рассмотренный из одного, внешнего, ракурса наблюдения *детерминирует* другой аспект (в себе идентичного) феномена из другого внутреннего ракурса, противоречило бы в этом случае *асимметричному* смыслу понятия детерминации.

Обратимся к примеру баскетбольной команды самого Эпштейна. На макрофеноменальном уровне команда осуществляет последовательно реализуемое рациональное поведение и действительно выглядит квази-субъектом. Так, как будто у нее есть собственные цели, желания их реализовать и понимание того, как они связаны со средствами целеосуществления. На феноменальном микро-уровне это же «целевое» поведение команды реализуется в виде взаимного согласования индивидуальных целей и разделенных функций отдельных игроков. Игрок дает пас согласно своим полаганиям и желаниям, ожидая от других соответствующих действий (в соответствии с их желаниями и полаганиями).

Коллективное действие (как комплексный социальный факт) в этом смысле действительно детерминировано индивидуальными действиями. Но при этом и коллективное действие (реализующиеся как следствие специфически-общих для команды ожиданий типа «если я даю пас, то ожидаю, что ты его примешь») точно также детерминирует индивидуальные действия. Такого рода (ролевые, но не только) взаимные *ожидания* являются социальными, а не индивидуальными, и собственно и составляют то, что называют социальной структурой.

Поэтому, на наш взгляд, вместо приписывания группам и коллективам целеполаганий, можно было бы говорить о социальных правилах, нормах, взаимных ожиданиях, которые ориентируют контингентные отношения между индивидами. В этом случае уже было бы осмысленно говорить об *асимметричных* детерминациях. Поскольку в этом случае можно разграничить область *собственно социальных фактов* (из чего бы ни выстраивать социальную онтологию — из действий или коммуникаций, образующих социальные системы), с одной стороны, и *область психической реальности*,

с другой. Последняя понималась бы как особого рода психическая (а не социальная) система, состоящая из переживаний, полаганий, желаний и иных ментальных актов, конституирующих иную онтологию.

Лингвоаналитическое понимание социальных фактов

Неудачность понятия *детерминации* наглядно выражается в его дальнейших уточнениях Эпштейном. В примерах с Асадом, Цезарем и Чингисханом понятие детерминации далее получает уточнение в понятиях *основания* и *фиксации*. Так, фактические действия Асада, по мнению Эпштейна, «основывают» особого типа социальный факт — «Асад является военным преступником» [8. Р. 154]. И в этом случае, речь, очевидно, идет об *идентичности* (лишь по видимости) двух социальных явлений: действиях Асада как бы самих по себе и действиях Асада в наблюдательной перспективе составителей соответствующих кодексов, в которых эти действия определяются как преступные.

Детерминация и в этом случае, очевидно, является симметричной, а отношения между двумя аспектами в себе идентичного явления эквивалентны. Так, интерпретация с точки зрения уголовного кодекса делает его действия преступными. Но сами его действия требуют от наблюдателей соответствующей интерпретации. В этом смысле «основание» представляется взаимным, нельзя сказать, что одно «основывает» другое, без того, чтобы второе не основывало бы первое. Мы имеем дело с дефинитивной или аналитической эквивалентностью (конечно, с точки зрения *фиксирующих* эту эквивалентность наблюдателей).

В сущности, речь идет об — основанном на синонимии — аналитическом суждении:

«Асад, совершающий военные преступления, является военным преступником».

В этом смысле странным выглядит утверждение, что первая часть из двух, составляющих предложение синонимов, «основывают» вторую часть этого аналитического предложения. (Как было бы странно говорить о том, что средняя кинетическая энергия молекул тела является «основанием» температуры этого тела, или — в общей форме: о том, что наблюдение из одной перспективы «основывает» наблюдение из другой перспективы, как в вышеприведенном примере с нейрофизиологом).

Как и в случае с понятием детерминации, уточняющее его понятие *основания* не может пониматься ассиметрично, как это представлено у Эпштейна. На наш взгляд, предложение «Асад есть военный преступник» *эквивалентно* суждению «Асад совершил (хотя бы одно) преступление в Сирии», ведь референтом обоих этих суждений является идентичная в себе реальность. (Собственно об идентичности простого и комплексного фактов явно и неявно утверждает и сам Эпштейн).

Эквивалентность суждений мы понимаем в том смысле, что в случае истинности или ложности одного из суждений соответственно истинным или

ложным оказывается и другое. Семантически-эквивалентные суждения имеют «общую пропозицию», хотя и представлены в разной синтаксической форме. Именно наличие такой «общей пропозиции», в свою очередь, свидетельствует о том, что речь идет *об одном и том же факте*, по-разному представляемую языком.

Поэтому предположение об основании одного факта на другом само представляется необоснованным.

Парадокс асимметричной эквивалентности социальных фактов и его разрешение

Брайан Эпштейн совершенно справедливо задается вопросом об *условиях оснований* комплексного социального факта: «Один из вопросов о фактах, таких как *x является военным преступником*, это вопрос о его основаниях: в силу чего этот факт имеет место? [...] Мы можем спросить, что делает *эти факты* условием для того, чтобы быть военным преступником? Почему в число военных преступлений входят такие-то зверства против гражданского населения? Почему некоторые действия против солдат противника считаются военными преступлениями, а некоторые нет? Что в мире и в нас создает условия для *x является военным преступником?*» [8. Р. 157]

По утверждению Эпштейна, данные условия являются следствием соответствующих конвенций. Эти конвенции (нормы, законы, обобщения) характеризуются далее как условия фиксации социальных фактов.

В общем и целом мы готовы с этим согласиться, но в более радикальном — конструктивистском — смысле. Социальные факты зависят от наблюдения социальных фактов и конструируются этими наблюдениями.

Впрочем, и у самого Эпштейна «условия фиксации» конституируют социальную онтологию. А значит, именно наблюдения (как способы фиксации фактов и их онтологических оснований) основывают и обосновывают социальные факты.

Это представляется нам выходом из того парадокса, который возникает, когда один, более известный (соразмерный нам, эмпирически легко фиксируемый) факт делается основанием или фундаментом (и соответственно, *асимметризуется*) для других, труднее фиксируемых и неочевидных фактов, вопреки их почти очевидной *эквивалентности*.

Что обуславливает этот парадокс эквивалентности асимметричных суждений? На наш взгляд, это вызвано самой практикой последовательного формирования такого рода обобщений, а также языковыми ловушками, в которую попадают наблюдатели, осуществляющие «фиксацию оснований»

Так, в практическом плане *вначале* некий наблюдатель, фиксируя социальный факт некоторого преступления, формулирует гипотетическое предположение, о том, что именно Асад является военным преступником. И лишь *потом* начинает искать основание своих предположений, обосновывая соответствующее обобщение «Асад является военным преступником».

Здесь, на наш взгляд, мы и сталкиваемся с языковой ловушкой, которая заставляет нас второе суждение считать более общим, а значит, *основанным* на конкретных фактах. При этом понятие «военный преступник» рассматривается как *переменная* (пусть даже военное преступление было всего одно), описывающее разные факты, как *константы*, которые пробегает данная переменная.

Именно это *фактическая последовательность наблюдений* создает ту самую кажущуюся асимметрию основания, где один факт, входя в множество последовательно устанавливаемых других, словно обосновывает собой некое мнимое обобщение.

Именно в этом смысле наблюдение конституирует социальную фактичность. Онтологическая неукорененность социальных фактов самих по себе, их зависимость от наблюдений (теорий, обобщений, нормативности, дистинкций, формулируемых тем или иным наблюдателем, например, кодификатором уголовного или международного права или политическим наблюдателем) становится очевидной, как только Эпштейн расширяет историческую перспективу своих иллюстраций. Рассмотрим в этом расширенном историческом контексте пример Чингисхана.

Зададимся вопросом, почему наша актуальная наблюдательная перспектива 2022 года делает Чингисхана военным преступником *независимо от соглашений и конвенций*, как это утверждает Эпштейн? Почему для определения социального факта «Чингисхан есть военный преступник» достаточно лишь самих событий — его зверств и расправ? Что особенного в этой нашей наблюдательной темпоральной локализации в XX или XXI веке (за исключением того, что это именно *наша* темпоральная локализация), чтобы она призывала признавать ее в качестве нормативно-определяющей на все времена?

Ведь только в нашу эпоху возникает само понятие военного преступления. Задумаемся о том, как можно было бы трактовать Чингисхана в той контрфактической ситуации, когда бы с Землей в XIV веке случилась катастрофа космического масштаба? Ведь в этом случае не возникло бы никаких соответствующих нормативных определений (военных преступлений и военных преступников). Можно было бы говорить об объективном социальном факте «Чингисхан является военным преступником», если ни в одном сознании он не считался бы таковым по самим условиям этого мысленного эксперимента? Ведь его действия считались бы относительно нормальным поведением соответствующей культуры, а не нормативно-предосудительным поведением или уголовным деянием.

Какой же выход из этой парадоксальной ситуации, когда *социальная фактура* определяется наблюдателем и, соответственно, в иной наблюдательной перспективе должна быть переформатированной (соответственно актуальной эпохе, культуре, этике, праву и обычаю), предлагает сам Эпштейн?

Сами так называемые фиксации он, в свою очередь, трактует как *социальные факты*, и этим объективирует само их наблюдение. Подобно тому,

как это имеет место в физике, где осуществление наблюдения меняет (и этим определяет, овеществляет) объективные свойства объекта наблюдения: «*отдельно от оснований — пишет Эпштейн — существуют факты, которые определяют условия, необходимые для того, чтобы совершенное было военным преступлением. Таковы факты соглашения, конвенции, кодекса или еще чего-либо. Этот другой набор фактов я буду называть фиксаторами*» [8. Р. 157].

Попробуем разобраться, что же такое фиксации социальных фактов.

Фиксации социальных фактов как их классификации

На наш взгляд, фиксации, используя более понятное словоупотребление, можно было бы понимать в качестве *классификаций* тех или иных событий, придающим им ту или иную семантику. Фиксации (классификации) связывают семантически неполные, и в этом смысле еще неклассифицированные наблюдения (типа «Асад применил зарин») с другими наблюдениями, приписывающими этому факту соответствующую семантику, исходя из некоторого общего утверждения или обобщения. В данном случае таким обобщающим принципом выступает суждение: «Применение отравляющих веществ является военным преступлением».

Однако, на наш взгляд, такая объективация и фактуализация самого наблюдения (фиксаций, конвенций и т.д.) не делает наблюдаемые события объективными (независимыми от наблюдения) фактами. Так, одна фиксации-конвенция (например, современная историческая интерпретация) представляет египетского фараона преступником; другая (надпись на старинной стеле, рассказывающая о том, сколько и как именно он уничтожил жителей покоренных стран) за те же самые деяния представляет его в качестве выдающейся личности. Фиксации — это исторически, культурно, нормативно определенные классификации, которые сами по себе, безусловно, могут рассматриваться как социальные факты, но не делают другие факты независимыми от их наблюдений.

Социальная онтология — философский или социологический проект?

«Поразительно, насколько ограничен репертуар социальных фактов, которые обычно изучают теоретики. Мало спросить — что такое корпорация, или что такое социальная группа? Социальный мир включает в себя широкий спектр фактов, которые могут быть основаны удивительно разными способами», — пишет Эпштейн [8. Р. 162].

Вопрос демаркации социальных и несоциальных фактов, безусловно, важнейший в данном проблемном контексте. Но он-то и остается у Эпштейна без ответа. Разграничение области социального и внесоциального требует некоторой внешней, скорее, философской, а не исключительно внутри-социологической интерпретации.

И здесь не обойтись без экспликации семантики базовых категорий (общества, социальности и ее форм и видов). Недостаточно ограничиваться заявлением о том, что социальный мир — это очень широкая категория, не проясняя ни содержания, ни объема означенного понятия. Как и не обойтись, *претендуя на онтологические обобщения*, без постановки методологических вопросов о том, в какой охватывающей реальности локализована социальная реальность; каковы элементарные манифестации самой социальной реальности (общества), составляющие элементный субстрат этой реальности (действия? коммуникации? социальные ожидания? индивиды? социальные роли или функции?); какова внутренняя структура означенных элементарных манифестаций социального?

Только в контексте этих вопросов можно было поставить вопрос об онтологии социальных фактов, соотнося их с означенными внутренними и внешними структурами социального мира. По крайней мере, так решаются онтологические вопросы в сопредельных научных дисциплинах. (Философствующие) биологи думают над тем, что такое жизнь, а потом ищут его элементарные формы, виды или элементы жизни (клетки, гены и т.д.). (Философствующие) физики ищут глубинный «зернистый субстрат» материального мира.

Насколько факты независимы от своих причин?

Онтологическая установка Эпштейна требует составления реестров онтологических оснований тех или иных комплексных фактов: «Баскетбольная команда как социальная группа» онтологически «раскладывается» на следующие основания:

1. «Баскетбольная команда существует»
2. «Баскетбольная команда состоит из определенных игроков»
3. ...
4. ... и т.д.

На наш взгляд, этот подход не совсем согласуется с общенаучной методологией интерпретации научных фактов. Ведь научные факты так или иначе зависят от глубины фокуса и разрешающей способности наблюдательных инструментов, которые применяются при их фиксации в самом широком смысле, а значит — и от причин, которые фиксируются в зависимости от детализации рассмотрения².

Так, пример самого Эпштейна показывает, что каждое предложение в реестре оснований онтологического факта («баскетбольная команда как группа»

² Если мы фиксируем некий факт «перед нами окно, разбитое мячом», мы не можем определиться с *границами описания* этого факта без формулирования причин, которые его произвели. «Окно, разбитое мячом, с разлетевшимися осколками» являлось бы одним из оснований факта «окно, разбитое мячом». Но чем детальнее мы описываем этот факт, тем больше разнообразных причин нам нужно принять во внимание. Так, если мы хотим зафиксировать детальный разлет осколков, мы должны учитывать дополнительные причины, определившие скорость и траекторию полета мяча (направление ветра, силу удара ноги, крики игроков и т.д.).

определяется каузальным контекстом этого факта. Основание «команда существует» не висит в воздухе, а зависит от того, кто сгенерировал это высказывание. Скажем, тренер высказывающий это суждение и комплектующий команду, исходит из того, что «она существует» как некоторая команда здесь и сейчас и благодаря его управлению. А собственник или акционер команды, не участвующий прямо в комплектации, может иметь мнение о том, что данная команда существует лишь *де-юре*, а *де-факто* утратила командный дух и в этом смысле — больше не существует.

Впрочем, и следующее суждении из предложенного реестра онтологических оснований («команда состоит из таких-то игроков») получает свой смысл в контексте своего каузального контекста: кого-то взяли, а с кем-то контракт был расторгнут. Каждое уточнение данного факта, требует уточнения всего широчайшего универсума рассуждения, в данном случае включающий и тех, кого не взяли, то, по каким причинам был осуществлен отбор.

В этом смысле, реестр онтологических оснований, детальность и точность в их описании, определяется большим или меньшим множеством причинных факторов, и не может формулироваться *независимо от причин*. И поэтому, в разных каузальных контекстах смысл в себе идентичного высказывания будет разным. Предложение «Команда существует» в перспективе тренера как ее непосредственного создателя может быть истинным, а в перспективе лиц, опосредованно определяющих ее состав (собственника, рекламодателя, акционера, болельщика и т.д.) это утверждение представится ложным. В перспективе тренера команда существует, а в перспективе, скажем, болельщиков, давно уже нет. В общеметодологическом смысле это означает, что моделирование социального мира через поиск его онтологических оснований каждый раз должно также учитывать соответствующий реестр причин и наблюдательные перспективы, из которых осуществляется фиксация социального факта.

В данном случае, применительно к общественным установкам и ожиданиям, находит выражение некий вариант или лучше сказать коррелят тезиса Дюгема-Куайна, согласно которому различные теории (в данном случае социальные правила, конвенции, установки, правовые нормы) недоопределены фактами, которые в свою очередь оказываются теоретическим нагруженными. Социальные факты, как и любые научные факты, конструируются исходя из означенных социальных предустановок, обобщений и перспектив.

Так, *историк баскетбола* будет исходить из *континуальной* предустановки, и несмотря на смену игроков, стилей, тактик и фактического успеха или фиаско той или иной команды, будет придерживаться континуалистского убеждения в непрерывном «существовании» данной команды (поскольку причины ее существования в его перспективе не будут связаны с ее конкретными достижениями), и значит — утверждать собственную онтологию.

Тренер соответствующей команды, напротив, свяжет «существование» определенной команды с ее конкретными успехами (как причинными

факторами, с наличием «командного духа»), и будет понимать это существование *дискретно*, в зависимости от ее конкретных составов и фактических успехов и, не в последнюю очередь, от собственных заслуг.

В этом смысле мы не можем согласиться с тезисом Эпштейна о том, что «для моделирования социального мира поиск оснований обычно важнее, чем поиск фиксаторов». Одно без другого попросту невозможно, структура фактов неотделима от причинно-следственной структуры, которую *выбирает* наблюдатель, конструируя социальные факты.

Заключение: социальная онтология: социальные и природные виды

Мы не разберемся с вопросом об онтологии социального, если не выйдем за ее пределы. Трудно понять, что есть социальный факт, не разобравшись с тем, что есть научный факт как таковой. Между тем, научные (и в том числе социальные) факты не могут фиксироваться без указания на то, что фиксируемое в факте событие является проявлением регулярности или обобщения (пусть даже эта регулярность в данный момент и неизвестна). Так, если температура тела имеет определенное зафиксированное значение, то исходя из начальных условий и соответствующих законов, *любое* идентичное тело в этих условиях *должно* иметь данную температуру³.

В этом смысле классификации (основания фиксации), как подведение фактов под обобщения, могут схватывать как «природные виды» (металлы, воду, химические элементы и т.д.), так и «социальные виды» («военных преступников», «спортивные команды»), но могут быть идиосинкразиями отдельных классификаторов или наблюдателей [9—10]. Эти классификации конструируют разные факты, но эти конструкции, очевидно, научно неравноценны, и должны получить эпистемологическую оценку.

Онтология не может не предваряться эпистемологическим по своей сущности вопросом об основаниях классификаций, о правилах группирования единичных фактов, о том, есть ли у этих классификаций «объективные» или необходимые основания. Применительно к социальной онтологии, это был бы вопрос о том, какие «зернистый субстрат» или «социальные виды» (по аналогии с «видами природы») лежат в основании сферы социального: массивы социальных действий, социальные группы, коммуникации, социальные роли, социальные нормы? В этом контексте именно эпистемология может

³ Конечно, наука фиксирует в том числе и уникальные научные факты, в том числе исторические («видеографические») или являющиеся следствиями эволюционного развития. Однако сам Брайан Эпштейн, очевидно, имеет в виду именно *воспроизводимые* факты, поскольку *процедура фиксации* подводит единичные события (например, «Асад совершил преступление») под обобщения и соответствующий вывод («Все кто совершил военные преступления, суть военные преступники», «Асад совершил преступление», «Следовательно, Асад — военный преступник»). Очевидно, существуют обобщающие правила о том, что считать преступлениями, и что считать военными преступлениями.

судить о том, какие классификации «необходимы» (поскольку следуют из логики самих «социальных видов»), а какие искусственны, ошибочны, произвольны или экстравагантны подобно знаменитой классификации Борхеса⁴.

Так, эмпирический факт «данная жидкость является водой» основывается на онтологическом основании, что данная жидкость имеет элементарную структуру H₂O и поэтому является водой — соответствующим «природным видом». Но и вопрос об онтологическом основании *социального факта* должен решаться по аналогии — как вопрос о принадлежности Асада «социальному виду» «военных преступников»⁵. Но поиск таких онтологических оснований не возможен без предварительного разрешения эпистемологической задачи: какие классификации (фиксации) «природных» или «социальных видов» структурно-необходимы, в том смысле, что их макро-свойства свойства проистекают из внутренней структуры, а какие — произвольно конструируются наблюдателем, исходя из его идиосинкразии или локально-исторической, культурной или идеологической позиции.

Список литературы

- [1] *Durkheim E.* Les Règles de la méthode sociologique. Paris : Les Presses universitaires de France, 1894.
- [2] *Hesse M.* Models and Analogies in Science. Notre Dame : University of Notre Dame Press, 1966.
- [3] *Harré R.* The Principles of Scientific Thinking. London : Macmillan, 1975.
- [4] *Weber M.* Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1904. № 20. S. 1—54; 1905. № 21. S. 1—110.
- [5] *Coleman J.S.* Weber and the Protestant Ethic. A Comment on Hernes. Rationality and Society. 1989. № 2 (1). P. 291—294.
- [6] *Place U.T.* Identifying the Mind. New York : Oxford University Press, 2004.
- [7] *Smart J.J.C.* The Mind/Brain Identity Theory. In: The Stanford Encyclopedia of Philosophy. [First published Jan 12, 2000; substantive revision May 18, 2007]. Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/entries/mind-identity/>
- [8] *Epstein B.* A Framework for Social Ontology // Philosophy of the Social Sciences. 2016. Vol. 46(2). P. 147—167.
- [9] *Kripke S.* Wittgenstein on rules and private language: An Elementary Exposition. Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1982.
- [10] *Борхес Х.Л.* Аналитический язык Джона Уилкинса // Философия философии. Тексты философии. М. : Академический Проект; Фонд «Мир», 2012.

⁴ Включившего в один «природный вид» животных — *принадлежащих императору, набальзамированных, прирученных, молочных поросят, сирен и нарисованных тонкой кисточкой, издалика кажущихся мухами.*

⁵ Конечно, такая классификация является продуктом социального института и не является каким-то научным законом, но будучи однажды сформулированной и получившей интересубъективное признание, она может рассматриваться социальными теоретиками по аналогии с классификацией природных видов. И вопрос принадлежности к данному социальному виду можно решить соответствующим образом.

References

- [1] Durkheim E. *Les Règles de la méthode sociologique*. Paris: Les Presses universitaires de France; 1894.
- [2] Hesse M. *Models and Analogies in Science*. Notre Dame: University of Notre Dame Press; 1966.
- [3] Harré R. *The Principles of Scientific Thinking*. London: Macmillan; 1975.
- [4] Weber M. *Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus*. *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*. 1904;(20):1—54; 1905;(21):1—110.
- [5] Coleman JS. Weber and the Protestant Ethic. A Comment on Hernes. *Rationality and Society*. 1989;2(1):291—294.
- [6] Place UT. *Identifying the Mind*. New York: Oxford University Press; 2004.
- [7] Smart JJC. *The Mind/Brain Identity Theory*. In: *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [First published Jan 12, 2000; substantive revision May 18, 2007]. Available from: <https://plato.stanford.edu/entries/mind-identity/>
- [8] Epstein B. A Framework for Social Ontology. *Philosophy of the Social Sciences*. 2016;46(2):147—167.
- [9] Kripke S. *Wittgenstein on rules and private language: An Elementary Exposition*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press; 1982.
- [10] Borges HL. Analytical language of John Wilkins. In: *Philosophy of Philosophy. Texts of Philosophy*. Moscow: Akademicheskii proekt; fond “Mir” publ.; 2012.

Сведения об авторах:

Антоновский Александр Юрьевич — доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии и философии истории МГУ, заместитель заведующего сектора социальной эпистемологии Института философии РАН (e-mail: antonovski@iph.ras.ru) ORCID: 0000-0003-4209-8213

Бараш Раиса Эдуардовна — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН; исследователь, Русское общество истории и философии науки (e-mail: raisabarash@gmail.com). ORCID: 0000-0002-5899-973X

About the authors:

Antonovskiy Alexander Yu. — Leading Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; Professor, Lomonosov Moscow State University, Russia (e-mail: antonovski@iph.ras.ru). ORCID: 0000-0003-4209-8213

Barash Raisa Ed. — Leading Researcher, Institute of Sociology of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences; Researcher, the Russian Society for the History and Philosophy of Science, Russia (e-mail: raisabarash@gmail.com). ORCID: 0000-0002-5899-973X